

Николай ПЕРЦОВ

«Ночь, полная созвездий...»: синтез пространства-времени у Хлебникова

<...> это и есть смелость Хлебникова — его свобода. Все без исключения литературные школы нашего времени живут запрещениями: этого нельзя, того нельзя, это банально, то смешно. Хлебников же существовал поэтической свободой, которая была в каждом данном случае необходимостью.

Ю. Н. Тынянов

По-видимому, в 1912 г. Хлебников написал такое стихотворение:

Ночь, полная созвездий.
Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?
Свободы или ига?
Какой прочесть мне должно жребий
На полночь широко на небе?

Это стихотворение (далее — «Ночь») естественно связать с пребыванием Хлебникова на юге, в Таврической губернии, где он в августе 1912 г. гостил у Бурлюков в имении Черная долина (Чернянка). Стихотворение дышит южной звездной августовской ночью... Именно к 1912 г. относится фрагмент из черновых заметок поэта: «Разница между нашим поколением и прошлым та, что они плакали от умиления, читая о читающих звездную книгу, а мы читаем ее с улыбкой» (СС, 1, 493).

«Ночь» принадлежит к числу тех произведений, о которых Хлебников писал в своей литературной автобиографии «Своеси»: «Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее» (СС, 1, 8).

«Ночь, полная созвездий...», «пробивая» и «зажигая» настоящее, изображает при этом мир как вневременный и вечный. Время у Хлеб-

никова может панорамно охватывать прошлое, настоящее и будущее, как в «Досках судьбы»: «Мы должны знать, что высота отвлечения расширяет условный круг настоящего времени, этот рабский призрак человеческого духа, и под грозные завывания трубы: “несть времени!” — должны подняться на такую высоту, чтобы кругозор настоящего обладал лучом в сотни лет на прошлое и будущее пространства»¹.

В некоторых текстах Хлебникова представлен своеобразный синтез пространства-времени. Так, вступление к поэме «Поэт» являет каскад внешне нелогичных головокружительных перемещений в пространстве-времени: из осеннего сада ввысь к небесам, с небес вниз к «откосу холмов», к «белым оврагам равнины»; от середины октября вперед к поздней осени, потом назад к ранней осени, потом скачок к первым заморозкам зимы, от них — к весне, потом назад к масленице и снова вперед к буйной зелени поздней весны и начала лета².

В письме к П. В. Митуричу от 14 марта 1922 г. поэт так писал по поводу «выкладок» придуманного им «основного закона времени»: «Когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает <...> и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством» (СП, 5, 324).

В «Ночи» время и пространство интерпретируются одно через другое. В первой строке временной отрезок («ночь») предстает как содержащий пространственные объекты («полный созвездий»); индивидуальный образ Хлебникова, в котором время определяется через пространство («Ночь, полная созвездий»), опирается на общеязыковые словосочетания «звездная ночь» и «ночное небо»; во втором из них, наоборот, пространственному понятию дается временное определение. С первой строкой стихотворения перекликается последняя: «На полночь широком небе». Она допускает сразу два истолкования, одно из которых наделяет пространственную категорию временным атрибутом. Если понять словоформу полночь как синтаксическое дополнение, первая и последняя строки составят паронимически мотивированный хиазм³: «ночь, полная созвездий» — «небо, широкое (“полное”) полночью».

С точки зрения коммуникативной направленности, стихотворение представляет собой вопрос, обращенный к ночному мирозданию. Этот вопрос расчленен на несколько предложений, число которых разнится в зависимости от пунктуационного оформления в разных изданиях.

В первой публикации (НП, 145) мы видим единую фразу, оканчивающуюся не вопросительным знаком, а точкой; в «Творениях» (Тв., 83) находим три предложения (после первой строки стоит точка, после третьей, четвертой и шестой — вопросительные знаки); в новом «Собрании сочинений» (СС, 1, 264) — два предложения (вопросительные

знаки в конце четвертой и шестой строки). Видимо, наиболее близок к рукописи первый из указанных вариантов (относительно ее сохранности и местонахождения сведений нет). В настоящей заметке я предпочел вторую из перечисленных версий пунктуационного оформления: она точнее других соответствует моему собственному пониманию интонационной структуры «Ночи» (я бы, правда, поставил в конце первой строки многоточие)⁴.

«Ночь» глубоко погружена в поэтическую традицию осмысления звездного мироздания как книги. Стихотворение Хлебникова возвращает нас к «Вечернему размышлению о Божием величестве» (1743) Ломоносова, с его знаменитыми строками:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

В пятой строфе ломоносовской оды, как и в «Ночи», появляется книга, в которую занесен «устав естества»: «О вы, которых быстрый зрак / Пронзает в книгу вечных прав...». Еще явственнее в стихотворении Хлебникова слышится реминисценция из Баратынского: «Была ему звездная книга ясна, И с ним говорила морская волна...» («На смерть Гете», 1832). Словосочетание «звездная книга» Хлебников повторил в процитированной выше заметке 1912 г. (о читателях «звездной книги», «плакавших от умиления»). Думается, через семьдесят лет после смерти Гёте Хлебников вспомнил стихотворение Баратынского.

Сравнение звездного неба с книгой или простое соседство этих слов, объединенных общим контекстом, обнаруживается в других произведениях Хлебникова. Имплицитно это метафорическое уподобление заключено в поэме «Поэт» (1919–1921):

Когда рассказом звездным вышит
Пруда ночного черный шелк
И кто-то тайну мира слышит,
Из мира слов на небо вышед,
С ночного неба землю видит.

В стихотворении 1921 г. «Моряк и поец» сопологаются созвездия, полночь и книги, а соседство созвездий и шума вод вторит строкам Баратынского:

И чокаясь с созвездьем Девы
И полночи глубокой завсегдатай,
У шума вод беру напевы,
Напевы слова и раскаты.
Годы прошедшие, где вы?
В земле нечитаемых книг!

И пело с о з в е з д и е Девы:
«Будь, воин, как раньше, велик!»

В том же 1921 г. в поэме «Настоящее» (глава I) с мотивами неба, звезд и книги переплетаются мотивы судьбы и ига, уже знакомые нам по стихотворению «Ночь»:

Ах, если б снять с небесной полки Созвездий книгу,
Где всё уж сочтено,
Где жизни нить, и плахи нить, и смеха нить
В едином шелке
Ткало веретено,
Покорно роковому игу,
Для блеска з в е з д н ы х игол.

Звездными образами пронизаны поэмы «Гибель Атлантиды» (1912) и «Ладомир» (1920–1921). В образе «Единой книги» (сверхпоэма «Азы из узы», 1919–1920, 1922) предстает всё мироздание⁵.

Вернемся к «Ночи». В стихотворении нет неологизмов, но можно сказать, что оно насыщено значимыми для Хлебникова корнями, если считать мерой насыщенности количество образованных ими словотворческих гнезд, а мерой значимости — количество производных слов. По данным Н. Н. Перцовой⁶, 15 из 20 корней стихотворения имеют неологические гнезда, из которых самое продуктивное — это гнездо «НЕБО» (111 неологизмов), занимающее в этом отношении четвертое место среди 972 гнезд (после корней «ЛЮБИТЬ», «МЕРЕТЬ, МОР, УМИРАТЬ + СМЕРТЬ» и «СМЕЯТЬСЯ, СМЕХ»). Не образуют неологизмов корни слов *полныш*, *иго*, *должно*, *жребий*, *на*, зато участвуют в словотворчестве основа местоимения *какой* (*какнибудец*, *Како*, *какота*⁷ и корни местоимений *ты* («ТЕБЕ, ТОБОЙ» — 5 неологизмов), *мне* («Я, МЕНЯ, МНЕ, МОЙ» — 41 неологизм), а также союз *или* (19 неологизмов)⁸. Примечателен хлебниковский неологизм Небокниги, объединяющий два ключевых корня «Ночи», — это заголовок первого раздела утопической заметки «Лебедия будущего» (1918), начало которого достойно цитирования: «На площадях, около садов, где отдыхали рабочие или творцы, как они стали себя называть, подымались высокие белые стены, похожие на белые книги, развернутые на черном небе. Здесь толпились толпы народа, и здесь творецкая община, тенепечатью на тенекнигах сообщала последние новости, бросая из блистающего глаза-светоча нужные тене-письмена» (Тв. 614).

Лишенное неологизмов, стихотворение включает в себе синтаксическую инновацию во втором предложении (строки 2–3) и лексико-синтаксическую неоднозначность — в последнем (строки 5–6)⁹.

Вольность вопрошания, адресованного ночному небосклону, отражена в синтаксисе, нарушающем грамматическую норму. Во второй

и третьей строках вопрос относится к синтаксической группе обращения, которую возглавляет существительное книга:

Какой судьбы, каких известий
Ты широко сияешь, книга?

Здесь вопросительные местоименные словоформы какой и каких внедрены в состав группы обращения, которая — по общеязыковым правилам — является «синтаксическим островом», то есть не способна подвергаться действию синтаксических трансформаций, в том числе трансформации частного вопроса. Чтобы вполне ощутить синтаксическую вольность и оригинальность этой фразы, достаточно изменить порядок слов:

Книга какой судьбы, каких известий,
ты широко сияешь?

Удивительным образом этот «синтаксический неологизм»¹⁰ практически не замечается читателем.

Другая языковая вольность обращает на себя внимание в последней строке, где синтез пространства-времени выражен, как уже было сказано, соединением временного слова полночью с пространственными прилагательным и существительным: «На полночью широком небе». Это словосочетание можно понять по-разному: в одном случае словоформа полночью осмысливается как окказиональное наречие и означает «в полночь», указывая тем самым на момент, когда проявляется широта неба; в другом случае полночью — это аспект (или атрибут), которым характеризуется широта неба (наподобие выражений «широкий в плечах», «широкий душой»). Здесь совмещаются два типа неоднозначности: лексический и синтаксический¹¹; напомним замечание Р. О. Якобсона о том, что «полисемия слов — рычаг поэзии Хлебникова»¹².

При второй интерпретации мы имеем дело с метафорой, порождаемой «творительным ограничением»¹³. Для прилагательного «широкий» в пространственном значении следует признать стандартной синтаксическую конструкцию «широкий + в + пр. пад.» (типа широкий в плечах; выражение широкий душой предполагает метафорическое непространственное осмысление прилагательного). Предложная конструкция у Хлебникова трансформируется в беспредложную, а стандартный порядок слов подвергается инверсии¹⁴. Полночное время, становясь атрибутом звездного неба, раздвигает небесное пространство. В рамках «среднеевропейского стандарта» (Б. Л. Уорф) это направление интерпретации — от пространства к времени — для языка менее привычно, чем направление от времени к пространству¹⁵. Так раздвигаются семантико-синтаксические границы языка, подобно расширению его словообразовательных границ при неологии.

Перехожу к стихосложению. «Ночь» написана ямбом парной рифмовки с женскими клаузулами: первый и четвертый стих насчитывают по три стопы, а остальные стихи — по четыре. Таким образом, в шестистрочном стихотворении наблюдается «квазистрофическое» построение:

3–4–4–3–4–4

Однако подлинного ощущения периодичности не возникает: длина строки меняется после первого, третьего и четвертого стиха; текст короткий, и метрическое ожидание не успевает выработаться. Поэтому «Ночь» тяготеет скорее к вольному, а не к разностопному ямбу. Еще меньше способствует восприятию этого стихотворения как «монострофы» несовпадение ритмического и рифменного членения: с точки зрения ритма текст членится по формуле $3 + 3$, а с точки зрения рифмы — по формуле $2 + 2 + 2$. Это приводит к тому, что трехстопные строки оба раза рифмуются с четырехстопными, причем один раз трехстопная строка идет перед четырехстопной, а другой раз — после.

«Ночь» выразительно инструментована: строки начинаются «темными» ударными гласными [o], а завершаются «светлыми» гласными переднего ряда [e] и [и] (мрак сменяется звездным свечением). В последнем двустишии вокалические ударные чередования особенно рельефны: [o] — [e] — [o] — [e] // [o] — [o] — [e].

В первой и последней строке стихотворения перекликаются гласные и согласные. Две словоформы, с которых начинается стихотворение, фонически «поглощены» и «перевернуты» в заключительном стихе: ночь, полная... — на полночь... Это почти полный слоговой палиндром: [ноч] — пол-нъ... — [на-пол-нъч]...]; причем оба фонетических отрезка продолжает йот следующего слога: в начальной строке это слог [i~], в конечной — слог [Цу]. Кроме того, в первой и последней рифме совпадают ударные гласные, что, впрочем, как было показано выше, во многом обусловлено фонической композицией текста. Наконец, последняя строка, превосходящая первую на два слога, как бы «раздвигает» ее посредством эпитета широкий.

В своем шедевре «краткого искусства поэзии»¹⁶ великий поэт соединил классический мотив созерцания и вопрошания звездного неба, восходящий в русской поэзии еще к Ломоносову, с преодолением синтаксических «оков» языка и выходом в космическое пространство-время. В «Ночи» свободно и просторно пульсирует сама вселенная...

